

15. Там же. – Д. 25. – 26 л.
16. Колпаков М. Имени Мокроусова // Турист. – 1976. – № 10. – С. 2-3.
17. ГААРК. – Ф. Р-3512. – Оп. 1. – Д. 56. – 1 л.
18. Там же. – Д. 28. – 27 л.
19. Там же. – Д. 65. – 7 л.
20. Источники для составления таблицы 2: ГААРК. – Ф. Р-3512. – Оп. 1. – Д. 15. – л. 2; Д. 26. – л. 2; Д. 49. – л. 2; Д. 61. – л. 1.
21. ГААРК. – Ф. Р-3512. – Оп. 1. – Д. 36. – 12 л.
22. Там же. – Д. 59. – 27 л.
23. Северинов В.Ф. Картографія туризму в Україні (історико-бібліографічний огляд: 1918-1990 рр.) // Туристично-краєзнавчі дослідження. Вип. 3. – К., 2000. – С. 267-282.

Романько О.В.

ГЕРМАНСКОЕ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ РУКОВОДСТВО И ПРОБЛЕМА КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМА СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Отношение германского военно-политического руководства к проблеме сотрудничества (коллорабационизма) с советскими гражданами является, во многом, ключевой для понимания внешней, оккупационной и национальной политики Третьего рейха.

В советской историографии традиционно преобладала точка зрения, что все нацистские лидеры одинаково положительно относились к использованию против СССР «предателей и изменников Родины». Парадоксально, но и такие известные западные историки, как Дж. Фишер, А. Даллин и А. Алексиев, отмечая наличие в нацистском руководстве различных группировок, в целом, также считали, что их отношение к проблеме использования советских граждан было одинаковым [1].

Поэтому, целью данной работы является показать весь спектр мнений основных групп и течений в германском военно-политическом руководстве по вопросу о сотрудничестве с гражданами оккупированных советских территорий и военнопленными Красной армии. Для этого будут рассмотрены следующие вопросы: основная характеристика группировок нацистского руководства; точка зрения их лидеров на проблему коллаборационизма советских граждан; эволюция этих точек зрения и ее причины на протяжении войны.

Основой успеха оккупационной политики является обеспечение лояльности населения оккупированной территории. Этого можно добиться разными методами, один из которых – привлечение его представителей к сотрудничеству. В связи с этим, немецкую оккупационную политику на территории СССР можно разделить на два этапа.

Проводя оккупационную политику на первом этапе (июнь 1941 – декабрь 1942 г.) немцы в качестве основного ее метода использовали террор и принуждение: пока Вермахт одерживал на фронтах победы, а в тылу еще не развернулось мощное партизанское движение, союзники среди местного населения Гитлеру нужны не были. «Даже если в конкретных обстоятельствах окажется проще обратиться за военной помощью к каким-нибудь завоеванным народам, - заявил он на одном из совещаний, - это будет ошибкой. Рано или поздно они обратят оружие против нас...» [2].

Поэтому, привлечение населения к сотрудничеству было ограничено, в целом, следующими моментами: разрешением на очень урезанное самоуправление и культурную деятельность; использованием «добровольных помощников» при армейских частях или набором контингента в части вспомогательной полиции; и некоторыми послаблениями в сфере торговли и землепользования.

Точка зрения Гитлера была доминирующей и отражала реальные воззрения большинства членов нацистской партии на проведение «восточной» политики [3]. С ней, разумеется, соглашались почти все, во всяком случае, внешне. Однако, несмотря на всю тоталитарность немецкой идеологической машины, существовало, как минимум, еще четыре точки зрения, отличных от мнения Гитлера. В целом, за основу был взят общий тезис: население оккупированных восточных областей надо активнее привлекать к сотрудничеству. Вся же разница этих точек зрения заключалась только в методах, средствах, масштабах и акцентах предполагаемого сотрудничества.

Первую из них назвать политически или идеологически обоснованной позицией довольно трудно. Скорее, эта точка зрения была вызвана к жизни сиюминутным стечением обстоятельств. Тем не менее, не упомянуть ее нельзя, так как на низовом административном уровне роль свою она, безусловно, сыграла. Так, некоторые чиновники и офицеры военной оккупационной зоны полагали, что советские граждане станут лояльнее, если относиться к ним «по-джентельменски». Как правило, это были далекие от политики люди, убеждения которых базировались на опыте первой мировой войны [4].

Следующая точка зрения на «восточную» политику получила в историографии наименование «утилитаризма». От первой позиции она отличалась уже тем, что ее носителем была вполне обособленная (хотя и далеко не единая) группа лиц (как убежденных гитлеровцев, так и не принадлежащих к нацистской партии), которая предполагала действовать по определенной программе. Как уже понятно из самого названия этой группы, идеологии и политики в ее действиях было чуть больше, чем у предыдущей. Главной же целью сторонников политики «утилитаризма» была максимальная польза, которую могла извлечь Германия из со-

трудничества с местным населением. Интересно, что негласным лидером нацистского крыла «утилитаристов» являлся такой хитрый политик как министр пропаганды и народного просвещения Третьего рейха доктор Й. Геббельс. В частности он считал, что, прежде всего, надо усилить пропагандистскую обработку «восточных» народов, изъяв из нее все упоминания об их неполноценности, колониальном характере войны Германии против СССР и т.п. На место этих тезисов должны были быть поставлены туманные обещания свободы и независимости, но только в будущем, после окончания войны. Такие, например, указания содержатся в одном из документов его министерства, озаглавленном «О пропагандистской обработке европейских народов», и разосланном 15 февраля 1943 г. всем высшим функционерам нацистской партии и местным руководителям пропаганды. В нем, в частности говорилось: «Нельзя называть восточные народы, ожидающие от нас освобождения, скотами, варварами и т.д. и в этом случае ждать от них заинтересованности в германской победе» [5].

«Утилитаризм» доктора Геббельса был больше связан с психологической войной и не шел дальше обычных пропагандистских лозунгов. Тем более было неясно, как скоро такая политика принесет желаемые плоды. Однако у этой группировки было еще одно крыло – военное, адепты которого обращали внимание исключительно на практическую сторону сотрудничества с населением оккупированных советских территорий и советскими гражданами вообще. Прежде всего, ими были высшие офицеры Вермахта, заинтересованные в как можно большей эффективности этого сотрудничества. Причем, в кратчайшие сроки. Так, наиболее масштабной акцией данной группы лиц стало привлечение советских военнопленных в ряды так называемых «добровольных помощников» или «хиви». Вот, в целом, и все их достижения. Остается добавить, что наиболее выдающимся выразителем этой точки зрения являлся генерал-квартирмейстер Генштаба сухопутных войск генерал-майор Э. Вагнер [6].

И сторонники отношения к советскому населению «по-джентельменски», и «утилитаристы» сыграли, конечно, свою определенную роль в возникновении и развитии коллаборационизма. Однако их значение не стоит преувеличивать. Во-первых, обе эти позиции были всего лишь модификациями (пусть и несколько неожиданными) гитлеровской политики и поэтому уже априори не рассматривали «восточные» народы как равноправных партнеров. Во-вторых, несмотря на то, что носителями этих точек зрения были весьма влиятельные и близкие к Гитлеру люди, их идеи так и остались на периферии «восточной» политики (скорее всего, именно из-за этой фатальной близости). В лучшем случае они выступали продолжением или составной частью двух следующих позиций, борьба между которыми и являлась определяющим моментом в сотрудничестве германского военно-политического руководства с советскими гражданами.

Носителями еще одной точки зрения был ряд офицеров Вермахта среднего звена и немецкие политики и дипломаты «старой школы», которые считали, что «восточные» народы надо использовать самым активным образом, привлекая их, как к военной, так и политической борьбе против большевизма. Они также считали, что с гражданами оккупированных советских территорий надо обходиться по-человечески, но дать им какую-нибудь реальную перспективу надо уже сейчас. Следует сказать, что многие из этих офицеров оказались замешанными в неудавшемся заговоре против Гитлера 20 июля 1944 г. Одним из проектов этой группы было так называемое власовское движение и Русская освободительная армия (РОА), в которых они видели не только инструменты в войне против СССР, но и будущих союзников ненацистской Германии.

Главным отличием этой группы от двух предыдущих было то, что особое внимание они уделяли национальному вопросу в «восточной» политике. Так, один из ее лидеров граф К. фон Штауффенберг считал, что, прежде всего, надо завоевать симпатии русского народа. Другие же народы СССР он считал полностью подчиненными русскому, а их национальные движения – слабыми и незначительными. По его мнению, они вряд ли могли бы стать серьезными союзниками Германии, а «все заигрывания с ними могли только помешать союзу с русским народом, который очень болезненно относится к территориальной целостности своего государства» [7].

Во многом благодаря усилиям этой группы, которая пользовалась определенной поддержкой в Верховном командовании вермахта (ОКВ), 6 июня 1941 г. был составлен документ «Указания по применению пропаганды по варианту “Барбаросса”». Интересно, что в этом, сугубо специальном документе, наряду с тем, что «противниками Германии являются не народы Советского Союза, а исключительно еврейско-большевистское советское правительство», было подчеркнуто, что «пока не следует вести пропаганды, направленной на расчленение СССР на отдельные государства» [8].

Главный теоретик нацизма и эксперт по внешнеполитическим вопросам рейхслайтер А. Розенберг так не считал. Как и все предыдущие, он имел свою точку зрения на «восточную» политику. В принципе, она не отличалась от мнения Гитлера, который считал, что восточные территории являются жизненным пространством германской нации. Поэтому перед ней стоит только три задачи: захватить, управлять и эксплуатировать их. Розенберг соглашался с этой генеральной линией, но считал, что достигнуть этой цели можно только, при условии тесного сотрудничества с населением. В его взглядах причудливо переплетались тезисы предыдущих групп. Он также считал, что с местным населением надо обращаться «по-джентельменски», много ему обещать и привлекать его к активной политической и вооруженной борьбе. Однако главное отличие его точки зрения заключалось в том, что все эти блага должны были распространяться только на нерусские народы СССР (особенно на украинцев). То есть, в отличие от оппозиционно настроенных офицеров Вермахта, он считал, что опираться надо именно на национальные движения, которые традиционно не любят русских и коммунистическую власть, как продолжение русского империализма. В теории все выглядело довольно привлекательно, так как выполнялась главная цель «восточной» политики – уничтожить СССР путем использования внутренних противоречий. Однако главной бедой Розенберга было то, что он не имел серьезного политического веса в глазах лидеров нацистской партии. Более того, его зачастую не слушали

даже его подчиненные. И сторонников проведения своей точки зрения Розенберг имел значительно меньше, чем антигитлеровские оппозиционеры. Тем не менее, его теории вполне успешно конкурировали с идеями фон Штауффенберга, поскольку даже среди откровенных противников рейхсфюрера было достаточно русофобов [9].

После краха надежд на молниеносную войну ситуация изменилась коренным образом. Лидеры всех указанных группировок пришли к выводу, что необходимо предпринять какие-нибудь шаги для выработки общей концепции, хотя бы временной. 18 декабря 1942 г., накануне Сталинградской катастрофы, в Берлине состоялась конференция представителей нацистского военно-политического руководства, отвечавших за проведение «восточной» политики. Основной темой конференции был вопрос о возможности более широкого привлечения советского населения к сотрудничеству с немцами. Целым рядом мер предполагалось обеспечить Вермахт пополнением, увеличить отряды по борьбе с партизанами и решить вопрос с нехваткой рабочей силы в самой Германии. Вывод, сделанный на конференции, - пишет английский историк А. Буллок, - «был выражен двумя предложениями: сложность создавшегося положения делает настоятельным позитивное сотрудничество населения. Россия может быть сокрушена только русскими» [10]. В данном случае под русскими подразумевались все народы Советского Союза.

Исходя из этих установок, нацисты были вынуждены провести некоторые «реформы» в своей оккупационной политике на территории СССР. В целом, они были сведены к следующим моментам:

- населению оккупированных территорий давалась какая-нибудь «политическая цель» (иногда, вплоть до обещания независимости) и делались определенные уступки в обращении с ним. Обычно эта цель заключалась в разрешении на ограниченное участие в решении управленческих и административных вопросов [11];
- политическим лидерам того или иного национального движения, которые считали себя союзниками Германии, обещалось создание собственных вооруженных сил. Первое время они должны были находиться под немецким контролем, а со временем, перейти под национальное командование [12];
- в качестве действенного стимула при создании подобных «вооруженных сил», всем, вступившим в них, обещались всяческие льготы и привилегии экономического характера: начиная от денежного вознаграждения и заканчивая наделением земельными участками семей добровольцев [13].

Обещание создать «национальные вооруженные силы» было одним из ключевых моментов на втором этапе проведения немецкой оккупационной политики. И если немцы преследовали здесь уже чисто военные цели, лишь слегка прикрывая их политическими, то лидеры национальных движений имели иную точку зрения:

думая, что Германия выйдет ослабленной из войны, они надеялись использовать свои вооруженные силы как инструмент давления на нее; и

если Германия, в конце концов, уйдет с территории их государств, использовать их как орудие борьбы со своими политическими противниками.

Планируя создание подобных вооруженных сил, немцы обещали лидерам национальных движений включить в них все добровольческие формирования, укомплектованные представителями данного народа. Однако в военно-политической обстановке тех дней это было не так легко сделать.

Следует отметить, что соперничество различных группировок в немецком военно-политическом руководстве за влияние на национальные движения наложило свой отпечаток и на взаимоотношения их лидеров. Например, те, кого поддерживал Розенберг, отказывались сотрудничать с теми, за кем стояли офицеры Вермахта. Наиболее отчетливо это проявилось в истории с созданием Комитета освобождения народов России (КОНР). Националы попросту отказались сотрудничать с его лидером, бывшим советским генералом А. Власовым, на том основании, что это «очередная русская затея».

Таким образом, можно сделать следующий вывод: германское военно-политическое руководство не имело единой точки зрения на «восточную» политику вообще и на коллаборационизм, как один из методов ее проведения, в частности. Представители каждой из указанных групп считали себя ее главными творцами и проводниками, а свою точку зрения – единственно верной. Не было у них и какой-либо единой концепции национальной политики. Это соперничество сохранялось до конца войны, и явилась причиной того, что немцы так и не смогли создать «единый антибольшевистский фронт народов» [14], хотя постоянно говорили о его необходимости.

Источники и литература

1. Fischer G. Soviet Opposition to Stalin. – Harvard, 1952; Dallin A. German Rule in Russia 1941-1945. A study of occupation policies. – London, 1957; Alexiev A. Soviet Nationalities in German Wartime Strategy, 1941-1945. – Santa Monica, 1982.
2. Цит. по: Бетелл Н. Последняя тайна. – М., 1992. – С. 85.
3. Например, самыми последовательными сторонниками гитлеровской версии «восточной» политики были рейхсфюрер М. Борман, рейхсмаршал Г. Геринг, рейхскомиссар «Украины» Э. Кох и, до определенного момента, рейхсфюрер СС Г. Гиммлер.
4. Dallin A. Op. cit. – P. 500-501.
5. Мюллер Н. Вермахт и оккупация (1941-1944). – М., 1974. – С. 377–380.
6. Fischer G. Op. cit. – P. 14–15.
7. Dallin A. Op. cit. – P. 502-503.

8. Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: В 7 т. – М., 1958. – Т.2. – С. 573, 574.
9. Alexiev A. Op. cit. – P. 6.
10. Буллок А. Гитлер и Сталин: Жизнь и власть. Сравнительное жизнеописание: В 2 т. – Смоленск, 1998. – Т.2. – С. 368.
11. Мюллер Н. Указ. соч. – С. 260-261.
12. Persönliches Archiv des Joachim Hoffmann, Ebringen, Deutschland, Reichsminister Rosenberg an Georganischen Verbindungsstab. – 17.3.1945 // Intelligence Division. – DRS (51)42. – P. 1.
13. Государственный архив Автономной Республики Крым, ф. П – 156, оп. 1, д. 24, л. 43.
14. Романько О.В. Мусульманские легионы во Второй мировой войне. – М., 2004. – С. 69-71.